

200

ПОЭЗИЯ
наших друзей

Миясат Муслимова – поэт, публицист, переводчик, родилась (1960) в селе Убра Лакского района Дагестана. Закончила Дагестанский госуниверситет и аспирантуру Московского педуниверситета. Профессор кафедры методики преподавания русского языка и литературы ДГУ, зам. министра печати и информации Республики Дагестан. Стихи начала писать в 43 года. Номинант премии имени А. Сахарова Всероссийского конкурса «За журналистику как поступок», лауреат Литературной республиканской премии имени Р. Гамзатова и др. Автор сборников поэзии «Ангелы во крови», «Наедине с морем», «Диалоги с Данте», «Камни моей родины», «Мамины сны»... А также книги публицистики – «Испытание свободой». Печаталась в журналах «Дружба народов», «Сибирские огни», «Дарьял», «Крещатик»... Живёт и работает в Махачкале

Миясат Муслимова

Я зрячесть
обретаю

перед словом

* * *

На каменных трезубцах Турчидага струится сок гранатовых рассветов,
Упругий день взбирается по кручам, чтобы спустить с вершины облака.
Как вечность молода, когда в порывах ветра
Бурьёном стелет путь, бесплотна и легка!

Парит орёл, страж высоты извечный, кружит скала под куполом полёта,
ведёт тропа нехоженой печалью, и горы ждут над пастбищем времён.
Как вечность молода, когда в плену дремоты
Роняет лепестки на насыпи имён!

Фиалковые тропы поднебесья тревожат синь обманчивого моря,
Разбиты волны трав о прихоти камней.
Как вечность молода, день с ночью тайно ссоря
И посылая в небо журавлей!

В ладонях гнёзда вьют доверчивые чувства,
И ласточки срываются с руки.
Как вечность хороша, как время льётся густо,
Храня любовь, забвенью вопреки...

Шамиль со своим караулом

Горы снегом заковала хищной удалью клинка
Рука.
В ключья небо разорвали, в реки сбросив облака –
Века.
Взмах кинжала – пропасть в чёрном, кручи – каменным кольцом –
Гром.
Саблей горы рисовали, скалы высекли резцом –
Дом.

Две мечети с минаретом, полумесяцем – петля, трое в чёрном, в несогретом,
в белом – тайна Шамиля; борода, папаха – чернью, тенью – ружья за спиной,
над обрывом потемневшим караул стоит стеной. Там, поодаль, смутно тают
крыши сакли, чтоб аул в тайной думе ожиданий над печалью снов вздохнул. Миг
раздумий в чёрно-белом, над обрывом ждёт имам, горы тонут в белом-белом,
свет струится по горам. Лошадь движется по кругу, ждёт приказа тишина. Жест
короткий и упругий – чёрным двинулась война.

Тенью лица штриховали, шрамы вывели свинцом,
Камнем тени провожали, свет хранили чабрецом.
Небо – в белом, землю – в белом нарисуй опять, Нико,
Миг раздумий будет белым, как парное молоко.

Из-под белой перевязки каплет красная петля, к сапогам, от крови вязким,
чёрной данью льнёт земля; спи, могучий, белый витязь, воин, горец, спи, солдат,
белым саваном прощанья дни прощения летят; обними, ушедший, память –
нерождённое дитя, чтобы винной каплей славить долю скорбного питья.

Было – не было

Мою несбывшуюся жизнь хранит бессмертник желтоглазый,
Цикорий синь ей обещает, тмин горный луг штрихом чернит,
И подорожник у дороги, не зная дней пустых и праздных,
Под пылью в поле зеленеет, целебной горечью манит.

Моё утраченное детство разбегом клевера ложится,
И слепотой куриной машет, пастушьей сумкой теребит.
У мамы руки пахнут мятой, морщины бабушки – корицей,
А дед орех мускатный в чашку неторопливо крошит.

Моя беспочвенная юность искала корень девясила,
Ромашкой горной облетела и горлицей изошла.
Где мама сеяла и жала, растила травы и косила,
Сухой, рассеянный пустырник бессонной ночью я нашла.

И молодость, в шафранном свете перебирая дни, как письма,
Легко бессмертником уходит, вдогонку рвётся базилик.
В полыни прячет зрелость слезы, и сохнет старость жёлтой пижмой
Над одиночеством бестравья, где город сумрачно безлик.

Моя несбывшаяся жизнь – село, деревня, травы, поле...
Перебирает ветер листья и шлёт мне письма без конца.
В плену у времени скитаюсь, пою о памяти и воле
И растревоженные раны лечу глазами чабреца.

202

Каменный триптих

* * *

Есть ли кто здесь?..
Тишина оседает на крышах,
глиной першит между стен и струится песчаной тоской.
Молчаливая весть
поднимается выше и выше
и ищет свой камень, чтоб вымолить вечный покой.

Пчелиные соты в засохшем меду
на ветру рассыпаются пылью –
это сакли лепные дремлют в ладонях вершин.
Эге-ге-гей!.. Есть ли кто здесь?..
Только скалы клубятся былью,
Да травами лечит ветер морщины глубоких лощин...

* * *

Здесь хлеб с чабрецом не пекут, и дым не горчит над селом,
Убринские жёны кувшин к роднику не поднимут на плечи.
В пахучие травы коровы не ткнутся шершавым теплом,
И вечер не выйдет навстречу отарам овечьим
Под говор реки и напевы родной лакской речи.

Был ли кто здесь?..

Постаревшая нежность, затаённая в камне, стынет в горсти,
на губах запорошенной пылью последний горчит поцелуй.
Примет ли высь запоздалое слово «прости»,
когда скорбь переполнит молчанье святой Вацилу*,
чтоб отчаянье дней провести бороздой по лицу?..

Будет ли кто?..

* Вацилу – священная гора в Лакском районе Дагестана.

* * *

Звуки – мальчишество речи, –
горы не требуют слов,
здесь говорящий увечен,
как конь без подков.
Звуки – воинство речи,
молодость древних слов –
памятью раны лечат
и возвращают кров.
Материнское слово,
здравствуй,
Живи,
отцовская быль.
Забвение речи
– рабство,
Жизнь без памяти
– пыль.

Прими меня

Прими меня – опять в последний раз,
Прости за возвращенье и за робость.
Себя леплю из подаянья фраз,
Боясь в тебя сорваться, словно в пропасть.

Перед тобой чиста или пуста,
Я с ужасом рожденья вновь смиряюсь.
Какое счастье – с чистого листа
Писать стихи, пусть даже повторяясь.

Что прячет ночь сегодня от меня,
Когда зовёт на исповедь к бумаге?
И я, свою беспомощность кляня,
Опять впадаю в обморок отваги.

Прости за дерзость, но не отлучай, –
Я зрячесть обретаю перед словом,
Когда оно с упорством палача
Признаний ждёт и судит их сурово.

Ты знаешь всё, пусть даже я смолчу,
Мой чистый лист, – и старь моя и новь.
Твоей неотвратимостью плачу
За невозможность высказать любовь.

Камни моей родины

Разбросанные там, где нет запретов,
как вы счастливы возможностью
смотреть вверх
и видеть бесконечность щедрого неба.
Это единственное место, куда вы не можете упасть.

Ваше молчание
может высекать искры,
когда вас сталкивают лбами.
Хранимые в ладонях, чтобы ударить после ощущения тепла
и вынимаемые из-за пазухи на холод,
почему так часто падаете к ногам
удивлённого человека?

Настигая его бьющееся сердце
или попадая между его лопатками,
почему не занимаете освободившееся место,
уступая его сквозному ветру,
не оставляющему щелей
там, где нет корней?

Приникая ребром к груди своих собратьев
или храня одиночество в пустыне
чужих желаний,
умеющие всегда оставаться собой
и ценить свободу ожидания,
почему вы строите крепости
для тех,
кто рушит дома?

Ваше молчание
напоминает мне надгробные плиты
на старинных кладбищах лакцев,
оставивших мне в наследство
искусство резьбы на клинописи ветра,
искусство насечки на серебре стали,
и тайну слезы, запертой в темнице глазниц,
слезы, знающей единственный способ увидеть этот мир, –
разделить с вами возможность смотреть вверх
и видеть бесконечность щедрого неба.
Это единственный способ не упасть.

Я хочу быть маленьким камешком
в ладонях твоих желаний,
о моя усталая родина!